

ВЕЛИКИЙ НОРВЕЖСКИЙ ДРАМАТУРГ

* * *

По решению Всемирного Совета Мира сегодня, 23 мая, советская общественность отмечает 50-летие со дня смерти великого норвежского драматурга Генрика Ибсена.

Творчество писателя составляет величайшую ценность национальной норвежской и мировой литературы. С суровой правдивостью разоблачает Ибсен противоречия и пороки современного ему буржуазного общества, бичует язвы мещанства, лицемерие, продажность правителей — «столпов общества», всем сердцем сочувствуя борцам за правду и свободу.

Всемирную известность завоевал Ибсену его «Бранд» — драматическая поэма о пасторе, проповедующем свободу и душевную цельность человеческой личности. Потом в творчестве драматурга появился новый герой — Пер Гюнт. Этот образ Ибсен заимствовал из народных сказок и насытил его глубоким философ-

ским содержанием. Простой, доброжелательный к людям, Пер Гюнт проходит целый ряд испытаний; его постигают разочарования, когда он сталкивается в своих странствиях с мрачной действительностью. «Бранд» и «Пер Гюнт» — наиболее значительные и любимые драматургом произведения. Ибсен писал в письме к одному из друзей: «Бранд — я сам в лучшие минуты моей жизни; это так же верно, как то, что я путем самоанатомирования нашел многие черты Пер Гюнта...».

Во многих своих пьесах драматург поднимает вопросы брака, семьи, воспитания. Наиболее известные из них — «Доктор Штокман» («Враг народа»), «Нора» («Кукольный дом»), «Привидения», «Дикая утка». И хотя Ибсен любил говорить, что он не дает ответов на поставленные вопросы, — все его творчество — это беспощадный приговор лживой буржуазной морали.

Генрик Ибсен.

Драматургия Генрика Ибсена всегда привлекала внимание русских актеров и режиссеров. Но далеко не все произведения великого норвежского драматурга волновали моих сверстников и не все могли бы звучать на нашей сцене. Мы не можем сказать, как написал в свое время Станиславский: «Мы росли на Ибсене, — и чем больше мы работали над его пьесами, тем больше новых задач вставало перед нами».

Но для творческого роста многих из нас встреча с Ибсеном была знаменательна. В двух его пьесах довелось мне участвовать — больше одиннадцати лет я играла Нору, а теперь уже несколько лет подряд выступаю в концертном ансамбле, исполняя роль Озе в «Пер Гюнте» (Пер Гюнт — заслуженный артист Аксенов, он же и постановщик).

Художественный театр поставил девять пьес Ибсена — «Дикая утка», «Привидения», «Гедда Габлер», «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», «Росмерхольм», «Бранд», «Столпы общества», «Пер Гюнт», «Доктор Штокман». Ибсена ввел в репертуар театра Немирович-Данченко, по словам Станиславского, «один из лучших истолкователей и постановщиков его пьес». Об исполнении Станиславским роли доктора Штокмана сохранились не только рецензии, письменные документы, но и устные легенды.

С трудом, в непрерывной борьбе с цензурой шла работа над этой пьесой. Цензура вычеркивала отдельные предложения, которые казались крамольными. Так, например, у Аслаксена была вычеркнута фраза: «в свободном обществе печать — сила, господин доктор». На каждое живое слово зал отвечал взрывом рукоплесканий. «В этот день я на собственном опыте узнал силу воздействия, которую мог бы иметь на толпу настоящий подлинный театр», — вспоминал Станиславский.

Такое же воздействие оказывал на зрителя «Бранд». Как только возникали аналогии или самый порыв Бранда к правде казался зрителям революционным, возникали овации, зал охватывал восторг. Гюнда Качалов говорил: «Юные, добрые души, за мною! Вас поведу я к победе! Вдоль-поперек мы всю землю пройдем, петли-силки мы развяжем, выпустим души, попавшие в плен дряблости, лени, сотрем все следы, будем воистину люди!» — в зале делалось нечто невообразимое.

Станиславский учил нас: «К глубочайшему символизму Ибсена можно прийти только через предельный реализм, через предельное постижение человеческой жизни и быта. Только так достигаются «снежные вершины» человеческого духа... Он требует предельной правды и предельной человечности, когда верно угаданная личность вырастает до общенного и символического образа».

Экземпляры пьес испещрены указаниями, написанными рукой Станиславского и

рукой Немировича-Данченко. Они составляли характеристики всех действующих лиц и отдельно каждого участника, описывали характер, внешний облик, профессию, поведение человека. Удивительный труд, требовательность к себе, к другим, к искусству, к театру в целом — просто поражают, восхищают. О них можно сказать так, как говорили об Ибсене, — его называли рудокопом и странником по горным вершинам. На надгробном памятнике писателю высечено вместо всяких надписей орудие труда рудокопа — горный молоток — и всего два слова — Генрик Ибсен.

Однажды, путешествуя по Италии, я попала в Амальфи. Мы остановились в монастыре, превращенном в гостиницу. Там было две примечательности: посреди зала большой камень, на котором якобы отдыхал Франциск Ассизский, и комнаты Ибсена, где он писал «Нору». Любезный хозяин-итальянец предложил нам занять эти комнаты: «На родине вы всем скажете — мы жили там, где жил великий писатель Ибсен». Но мы не захотели нарушить порядок этих комнат, только внимательно осмотрели их, посидели даже за письменным столом великого драматурга, посмотрели в его окно. Далеко внизу синело море. Итальянское море имеет какой-то особый колорит, потому что в его синеве есть еще более синие полосы — точно синие змеи. Солнце заливало все — оно так сияло, что захватывало дух от этой его опасной щедрости... Здесь сидел Ибсен — неистовый, протестующий — и писал «Нору».

Когда я вчитывалась в роль, так она и представлялась мне: созданной из тени и ослепительного света. Нора — северянка и южанка, буйство Ибсена живет в ней — хрупкой, нежной, женственной.

Во времена Ибсена появление пьесы «Нора» («Кукольный дом») произвело такое потрясение, о ней так много говорили, что в гостиницы вывешивалось объявление: «Возбраняется говорить о «Кукольном доме». В газетах шла полемика; печатались письма, где говорилось, что мужчины на стороне Гельмера — мужа Норы; пророчили, что жена к нему еще вернется. Нору всячески порицали. Обвинение, которое

выдвигалось против нее, заключалось в том, что она бросила своих детей. Знаменитая актриса Наман Рабэ просила Ибсена изменить конец пьесы — ради детей Нора должна остаться дома.

«Нора» впервые была поставлена в 1879 году. Но так глубоко затронутые автором моральные вопросы, такой живой образ героини создал он, что и я, советская актриса, часто слышала высказывания зрителей о Норе, как о живом человеке; получала письма, главным образом от девушек, которые укоряли ее за то, что она оставила детей, не постаралась перевоспитать своего мужа. Но ведь Гельмер обладает самым страшным пороком, на который и направляет свою стрелу Ибсен, — лицемерием. Гельмер мог бы сказать Норе, как Пер Гюнт Анитре: «Хочу владыкой быть твоих желаний. И деспотом в своем любовном царстве. Должна ты мне принадлежать всецело; хочу держать тебя в плену, как держит оправа золотая бриллиант»...

Из этого брака-плена вырывается Нора, ощутившая свою духовную силу. Она идет одна в новую жизнь — жизнь труда, радостного, добровольного выполнения долга. Она не хочет больше быть игрушкой мужа, куколкой в его руках и, щебеча, как жаворонок, украшать жизнь детскими шалостями, как елку игрушками. Нора разрушает здание своей прежней жизни, она больше не принимает от Гельмера нищенского кусочка любви, мещанского благополучия. Нора ждала чуда, и чудо совершилось, но не ожидаемое, а другое — куколкой стала человеком, борцом за правдивую жизнь.

Во имя большой правды жизни Нора уходит из душного мира своей семьи, разрывает фальшивые отношения. Своим примером она воспитывает и детей, учит их быть смелыми, честными, разлука с ними — это тоже жертва во имя свободного и правдивого человека. Так я понимаю образ Норы, один из самых любимых моих образов.

Не только Нора — роль огромная по своему масштабу, краскам, — но и другая героиня Ибсена доставила мне много творческих радостей — это Озе в «Пер Гюнте». Мы исполняем это произведение в концертных залах с симфоническим оркестром, это полу-игра, полу-чтение под прекрасную музыку Грита.

...Когда Озе умирает и Пер Гюнт склоняется к ней, — мы с Аксеновым смотрим друг другу в глаза, залитые слезами, — радость театра, такая едкая, острая радость охватывает меня! Радость от поэтических слов, от мыслей автора, от того, что и мы в эти минуты вместе с ним отправляемся «странствовать по высотам» и ведем с собой всех, кто присутствует в зале.

Генрик Ибсен дает нам эту радость в искусстве — бунтовать против косности и мещанства, мечтать о чудесах, взбираться на высоты и заглядывать в самые глубины душ — быть рудокопами.

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР.